

Вырезка из газеты

ОГНИ АЛАТАУ

11 АПР 1967

от

г. Алма-Ата

Газета № . . .

Рассказы о лауреатах Государственной премии Казахской ССР

В АУЛЕ КРИЧАЛИ, звали негодную девчонку. Где ее носит, когда в их юрту пришло горе... Лицо матери было совсем белым и удивительно строгим. Кто-то подтолкнул Сабире, она медленно подошла и опустилась рядом со своей мамой. Почему в юрте так много людей? Что они хотят? Ведь мама сейчас встанет, все будет хорошо и не надо плакать. Неожиданно, вдруг Сабире вспомнила: как-то мама рассказывала, что отца провожал весь аул, и все плакали. И сейчас плачут...

...Спокойные, с голубыми просветами облака, тянулись к горизонту. Они были красивы и равнодушны к рыданиям, рвавшим сумерки аула.

В сердце девочки, не знавшей суровости и беды, ворвались горе и одиночество. Только последние слова мамы — наказ жизни, глубоко запали в душу маленькой Сабиры, согревали ее, как искорка, зажегшая дорогим человеком.

Холодная пустота в юрте. Изредка зайдет кто из соседей. Пожалее — шевельнет стонущую боль, недобрым словом помянет отца, оставившего детей без догляда. Жизнь, сбросив обманчивую вуаль полусказки, встала перед Сабирой заботами, большим трудом, взрослыми размышлениями.

— Пусть чужое не будет тебе завистью. Береги доброту людей. Их счастье — твое счастье. Последние слова мамы.

Ее наказ. Значит, так надо жить и не иначе. Жить для людей, трудиться для них.

...Октябрь всколыхнул судьбы, стремления.

Сабира не знала, где вспыхнет ее звездочка. Она училась в Алма-Атинском оперативном техникуме, вступила в комсомол. С гордостью носила кожанку, туго перетянутую армейским ремнем. Иногда вместе с подругами ходила в театр. Театр заставлял думать, шире раскрывал жизнь, рождая мечты. Театр влек, притягивал Сабире своей магической силой. Здесь все необычно. На сцене страдают, любят, умирают. Завороженная девушка, с большими черными глазами, жадно, всем своим существом вбирала в себя человеческие судьбы, мастерство игры артистов, музыку. Но взойти на сцену, сказать в зал хоть одно слово... Нет, это был далекий и счастливый сон.

Школа, первый учитель, букварь... Робкая радость от неуверенно прочитанного «мама»... Да, именно эти чувства пришли к Майкановой Сабире вместе с первой ролью. Народный артист, лауреат Государственной премии КазССР, Сергали Кожамкулов — первый наставник актрисы, увидел в этой резковатой в движениях девушке сегодняшнюю, нашу Майканову.

Репетиция шла прямо в вагоне. «Скорый» уносил труппу Казахского драматического театра в Караганду, на гастроли. Неслась навстречу выж-

женная степь, а в душном вагоне ласковые, ободряющие глаза учителя, дрожащий от полноты счастья голос Сабиры. Шла репетиция. Сабира перевоплощалась в комсомолку Алтынай из спектакля

МАТЬ

«Майдан». Грим был не нужен. Не понадобилась и одежда. Кожанка, чуть стоптанные сапожки — это как раз то, что нужно.

С непривычки чуточку болела голова. Сабира открыла окно, и горячий вечерний воздух ворвался в вагон. Было немного грустно.

Счастье собирается по крупицам. Их нелегко искать. Иногда на это уходит вся жизнь. Они и в смеке детей, и в примятых ветром и горем колосьях, в цветах и седицах. В первой роли родилось счастье. Большое, неразменное. Что может быть прекраснее! Молодую актрису любят, ее понимает зритель! Майканова создает ряд образов, эмоциональных, ярких. Комсомолка Алтынай, пионерка Роза из спектакля «Документ». Молодежь красивая, впечатляющая своим стремлением к труду, к бурному ритму жизни страны. Уже в это время обозначается резкая индивидуальность игры Майкановой. Своеобразие, глубина восприятия образов.

Черная весть хлестнула по отцветшим яблоням, по сердцам матерей, плеснула горем по глазам любимых. Уходили из родных аулов мужья, сыновья, братья. Уходили и не возвращались... Другая жизнь

встала из пороховой гари. Жизнь войны. Притихли улицы, площади у театров. И только в репетиционных чувствовалась невидимый пульс жизни. Здесь по своему ковали броню, отливали снаряды. Здесь хранили и создавали. Рождалась крепость души человеческой, образы годы суровых испытаний. Сцена была для Сабиры Майкановны выражением своих раздумий, переживаний, воплощением боли за истерзанную землю, тревоги и ожидания ушедшего на фронт мужа. Сцена стала трибуной. С нее к зрителю обращалась комсомолка, уходившая на задание, мать, заклиная смертью и позором посягнувших на цветущую землю.

Росли дети. Родившиеся в войну стали взрослыми. Степь залечила свои раны. Время немолимо убегало вперед, оставляя позади тазуху, возвращая людям радость жизни. И только созданное разумом человека не умирало. Оно рождало новую историю, историю войны. Так появилось «Материнское поле» Чингиза Айтматова, Толгонай, женщина, вобравшая в себя все кристальные чувства матерей Родины. Чувства, олицетворяющие скорбь матери по сыновьям, стоящей с венком над ус-

нувшими героями. Великая женщина, застывшая в горе над Пискаревским кладбищем Ленинграда...

Как удалось Майкановой донести до сознания людей страдание матери, потерявшей трех сыновей и мужа, музу оптимизма, жизнеутверждающего, зовущего творить? Удачно схваченный образ? Или фортуна? Нет, актриса шла к этой роли всю свою жизнь. В Толгонай влилась степь маленькой Сабиры, ее детство, думы о жизни своего народа, его счастье.

Кремлевский театр неистово рукоплескал. Он приветствовал Толгонай, материнское поле, дающее людям силы, Сабире Майканову, подарившую москвичам жемчужину мудрости и доброты.

Это был большой успех, признание таланта актрисы. Успех всего казахского народа. А за ним — веки жизни Сабиры Майкановны.

Актриса редкого дарования, она с взыскательностью ксминиста относится к себе в изучении общественного значения каждого образа. Кропотливо, с необыкновенной настойчивостью и терпением вникает в его жизнь, сущность суждений.

Труд непрестанный, бесконечный — вот путь комсомолки Сабиры до члена партии, делегата XXIII съезда КПСС, путь актрисы, создавшей образ юной, горячей Алтынай и мудрой, сильной, как Родина, Толгонай. Это дар людям народной артистки и лауреата Государственной премии КазССР Сабиры Майкановой.

А. САМОЙЛЕНКО,
студент КазГУ.